

Рассказывают, что некогда монахи задумали соревноваться в похвале Деве Марии. Один написал прекрасную икону, другой сделал серебряные ризы, третий сложил молитвы, четвертый корпел над хроникой того, как они все трудились. А пятый ничего такого не умел, даже читать. Он был акробатом в миру и стеснялся того, что никак не умеет выразить свою любовь к Богу. И вот он, в печали от своей ненужности, принес коврик, робко расстелил его и, попрощав прощения за глупые свои таланты, стал показывать фокусы и акробатические номера, петь незамысловатые песенки и танцевать во славу Божию. И Богородица с иконы улыбнулась, протянула руку и погладила его, единственного из монахов. За чистосердечие, как говорят. И прозвали его Жонглером Богоматери.

Небоя газ - 2001. - 8 апр. - С. 11.
Она, путавшая три языка, на всех изыскавшаяся с обаятельным акцентом, хотела прожить мгновенную и счастливую жизнь. Одна ослепительная роль в кино сыграна*. И вот — приглашение на вторую, немислимое и нежданное, от мастера, который никогда никого не снимал дважды, никогда, даже звезд, даже восхитительных мастериц томного взгляда из-под туго надвинутой шляпки. А у нее ни шляпки, ни томности, разве что бесконечное доверие сквозь едва уловимую печаль. Чаше веселое лукавство, чем ожидание несчастья. Чаше готовность разделить чужую боль, чем испытать ее самой. И может быть, предчувствие жестокой судьбы.

Впрочем, какие предчувствия, ей 22 года, она — лауреат главной премии страны. А могла бы гнить в лагере, ведь ее отец — священник, в сумочке у нее — Евангелие, а в сердце — отсутствие навыка двойной морали. И на дворе — начало сороковых. И знаменитый режиссер, холодный небожитель, снова зовет ее сниматься, и она, счастливая, кричит в трубку ассистентам: «Да!»

Все вершины, даже вершины счастья, одинаковы. С них — одна дорога...

Выезд на пробы, авария, чудовищная травма, изуродовавшая ее до неузнаваемости и приковавшая на несколько месяцев к постели. Кино для нее закончилось.

И еще ей сказали, что детей она иметь не сможет.

Она лежала в бинтах, к ней приходили друзья, все реже, все тоскливее, все жиже слова, которые они могли дежурно проговаривать.

Однажды она проснулась и поняла, что ее день наступил. Она должна встать...

Медленно сползла с кровати, качаясь, шла вдоль стены.

Дверь палаты, коридор, в его конце стоял врач, который собрал ее по кусочкам. Стоял и ждал. Она прошла несколько шагов, начала крениться, он дернулся, подхватил ее и принес на руках в палату.

Он учил ее вспоминать движения, потом нашел хирурга, который сделал пластическую операцию — остался только один шрам. Только один — от уха, через все лицо, розовый и ровный, его пробовали убрать, не получалось.

И она, придя в себя после очередной операции, прошептала ему «Довольно!»

Судьба, казалось, заканчивала крутой вираж. Но его убили в 43-м.

Она поступила в актерскую бригаду. Грим, вуаль, хриплый голос, туфелька, нервный отбивавший ритм всегда чуть быстрее, чем следовало. Ритм передавался публике, солдаты — самая благодарная публика на свете, они знали не знали о ее прошлых удачах и о ее бедах,

* Валентина Караваева сыграла главную роль в знаменитой «Машеньке» Юлия Райзмана. В 1943 году за эту работу она получила Сталинскую премию.

она помнила, что они слышат в ее песнях совсем иные голоса, совсем иные, и туфелька замирала, и неизбежные аплодисменты, которые ничего не значили, кроме того, что она помогла им вспомнить и Забыть.

Триумф незамеченного таланта

Забыть и Вспомнить.

В 45-м году она пела для союзников, ее позвали, потому что она знала множество американских и французских шлягеров, никогда не капризничала из-за условий и охотно выходила «на бис». После концерта ее ждали на ужин, усадили между двумя весельчаками, и она не решалась взглянуть на человека, сидевшего через стол, неотрывно на нее смотревшего, пока она болтала о всякой чепухе. Она поднялась, резко развернулась к нему, чтобы он увидел ее изуродованное лицо, подняла глаза, место напротив было пусто, оглянулась, он стоял возле нее, за спиной. Он пригласил ее танцевать, хотя никто не танцевал, потому что слишком мало было женщин, слишком много слов. И... неловкости живых перед мертвыми.

В этом романе с англичанином, моментальном, стремительном, обреченном, никаких хеппи-эндов, но чужая земля делала их невидимками, недостижимыми для запретов и судьбы. Только поэтому они поженились и уехали.

Как она там жила, теперь в деталях не узнать. Наверное, счастливо. И естественно. Вне режимов, идеологий, барьеров и стен. Так же естественно она переписывалась со своими тамошними знакомыми двадцать лет спустя, когда всякий знал, какие неприятности сулит переписка с заграницей. Так же естественно она вела переписку с великими. Могла предложить сценарий всемирно известному режиссеру и похвалить Пьетро Джерми или пожури Джильетту Мазину.

Ее новый муж нашел для нее клинику, но и заморские врачи ничего не смогли сделать с ее шрамом. А через два года он умер.

Она вернулась. Почему? Этого тоже никогда не

узнать. Наверное, от безознания, где и когда ей следовало быть.

Вернулась. ...Отделалась ссылкой в свой городок на Валдае, где у нее не осталось ни род-

Одинокий голос, превозмогающий судьбу и бездарное время. Игра без одобрения, хора, аплодисментов, рецензий, толпы, без надежды быть услышанным, без гарантии стать строкой в хрестоматии. Вне пространства УСПЕХА.

Валентина Караваева — актриса без театра, режиссера, ангажемента. Одинокая и странная. Она умерла под Новый 1997 год. В первых числах января жильцов дома затопило — в ЖЭК обратились все, кроме старухи. Когда вскрыли квартиру, увидели ее мертвую, лежащую на полу. Среди чемоданов, истлевших рукописей и черных стен. И рулонов киноплёнки, отснятых ею самой в ее лучших ролях, сыгранных в четырех черных стенах

Ее брали на гастроли по стране. Ей давали вторые роли. Она умело гримировала свое увечье, но не справлялась с правилами театральной иерархии: могла предложить не ко времени переделку спек-

Когда не подшучивали. Хотя уж кто-то, а актеры не ведают жалости и снисхождения. Они знали, что она делает все, как следует делать. Они не могли так, но уважали ее, которая могла. И знаменитый актер на-

СОБЕСЕДНИЦА АНГЕЛОВ

Кадр из фильма «Машенька»

ных, ни друзей, ни работы. Она прожила там 10 лет, занимаясь с детьми театром и декламацией. Где эти дети?

О ней хлопотали. Пока хлопотали, в северной глуши она писала рассказы на странной смеси языков, по ночам, на желтых порченных бланках, которыми растапливали печь в конторе. Разрешение добыли. Ей 36 лет, московская переписка и цеховая взаимопомощь актеров снова с ней.

И она зажила в маленькой квартирке, роскошной отдельной московской квартире, в полном одиночестве, без труда укладываясь в крошечную пенсию, которую ей платили по инвалидности, и подрабатывая на радио. Пожалуй, единственной ее подругой оставалась Лидия Смирнова.

Такля, принести пьесу, которую не только ставить, но читать было небезопасно. Все понимали правила — она не хотела их знать.

Однажды во время таких гастролей она в пять утра встала с постели, завернула в простыню и вышла в коридор гостиницы. В зубах она сжимала стебель громадной красной розы. Навстречу брела хмельная ватага актеров, окружившая ее со смехом, — куда, мол, собралась да еще в таком наряде. Она выронила розу и ответила: «На свидание». «Милочка, пять утра!» — «У меня свидание с Сервантесом».

Они знали, что она не сумасшедшая. Чего не могло быть в жизни женщины, которая танцевала даже с Черчиллем? И над ней ни-

клонился, поднял розу и аккуратно вложил ее в уста, никогда не лгавшие и никого не хулившие.

Шли годы, с конца 70-х предложений становилось меньше, старились и умирали звезды мирового кино, которых она дублировала. И она молча ушла в другую жизнь.

Звали на радио, но ей было жаль времени. *Подвижник уходит в затвор не отдыхать — исполнять предназначенье.* 20 лет ве-

ликопленного затворничества она посвятила главным.

Однажды в доме случилось замыкание и наводнение, жильцы бросились в ЖЭК, все, кроме нее. Через несколько дней квартиру вскрыли. Она лежала мертвая, в гриме и старинном платье, а соседи с изумлением оглядывали интерьер. В комнате был повешен занавес, маленькая сцена из досок, кулисы, рампа, у другой стены стоял штатив с кинокамерой и стеллаж с сотнями пленок. Все стены, пол и потолок затянуты черным. На кухне была устроена гримерная.

Годами она выходила на эту сцену и играла роли, которые ей не дано было исполнить перед публикой. Стрелкала любительская камера, она проявляла пленки, прищипчиво смотрела, помечала ошибки и совершенствовала то место, где был сбой, снова просматривала материал, снова вносила исправления, и так — день за днем, на протяжении двух десятков лет. Старело лицо, но голос и пластика оттачивались. Ей было важно достичь совершенства в том, над чем не властно тленность.

На стенах висели фотографии актеров, ее партнеров, к которым был обращен ее монолог. Горы, километры пленок с десятками ролей. Она озвучивала игру отдельно — умело обращалась с магнитофоном, ставила свет, шила костюмы. Она сделала из проволоки, тряпок, картона, перьев и хлебного мякиша огромную чайку. Эта чайка со сломанным крылом — ее главный партнер по сцене. И на одной из пленок остался эпизод, во время которого ветер шевельнул черную завесу у окна, ворвался свет, и видно, как застыла ее рука, обращенная к этому свету, а в проеме окна на фоне неба — стая голубей, слетающая с балконных перил.

Мертвая актриса со шрамом, поскользнувшаяся на мокром полу, не успевшая дойти до двери. Пачки писем от тех, кто помнил ее успех в кино. Несколько тетрадей с рассказами и стихами.

И где-то там, в большом мире, уцелевшие на радио случайные и несовершенные записи ее голоса.

Скромные похороны и скупые слова собратьев по цеху. Вечный покой и забвение. На ее могиле — английская фамилия, не та, которая петитом вписана в историю русского кинематографа.

Кто она была?

Сумасшедшая актриса, помешавшаяся от ненужности и неуместности таланта.

Собеседница ангелов, говорившая на единственно известном наречии, ничего не знавшая про Жонглера Богоматери.

На кладбище густая нежность сокращала процедуру. Потоптались и разошлись.

Она надеялась прожить короткую и легкую жизнь. Пришлось жить долгой. Но она сделала из этой пропащей и никчемной жизни эталон судьбы.

● Надя КЕВОРКОВА

ОТ РЕДАКЦИИ:
В 2000 г. Георгий Параджанов снял документальный 36-минутный фильм «Я — Чайка», в котором он использовал пленки Караваевой. Фильм был куплен каналом «Культура», но пока ни одного показа в России не было. Сейчас фильм участвует в конкурсном показе в Торонто, Будапеште и Мюнхене.